

**Пресс-конференция на тему
«Стратегия «Газпрома» в электроэнергетике»
20 мая 2019 года**

ВЕДУЩИЙ: Добрый день, коллеги. Мы продолжаем серию пресс-конференций в преддверии годового Общего собрания акционеров «Газпрома». Сегодняшняя пресс-конференция посвящена электроэнергетике.

В пресс-конференции принимает участие начальник Управления ПАО «Газпром», генеральный директор ООО «Газпром энергохолдинг» Денис Владимирович Федоров.

Передаю слово Денису Владимировичу, после чего мы перейдем к вашим вопросам.

Д. В. ФЕДОРОВ: Добрый день, уважаемые коллеги.

(слайд 1) Докладывая о результатах деятельности «Газпрома» в электроэнергетике в 2018 году, отмечу, что основным значимым событием является заседание Совета директоров «Газпрома» в июне 2018 года о стратегии в электроэнергетике. Тем самым подведена предварительная черта под нашей работой в 2007-2018 годах. Мы доложили Совету директоров о том, что в целом работа была выполнена в полном объеме. Те задачи, которые были поставлены, выполняются. Компания является финансово устойчивой. Компания, несомненно, имеет определенные «болевые» места с точки зрения технического состояния, например, тех же тепловых сетей в Санкт-Петербурге. Это давно и хорошо известно. Утверждена стратегия на будущее десятилетие нашей работы: она связана как с развитием внутри страны, за счет реализации, в том числе, проектов «ДППМ-штрих», так и проектов за рубежом. И первый проект мы начали в 2018 году — это строительство электростанции в Сербии, в Панчево, вместе с компанией «Газпром нефть».

Основные технические и финансовые моменты представлены на слайде. У нас в этом году незначительно снизилась выработка электроэнергии, что обусловлено различными факторами. Подросла выработка тепловой энергии — это связано в первую очередь с сезонными факторами, более холодной зимой. Других сколь-либо серьезных факторов, влияющих на отпуск тепла, не произошло.

По финансово-экономическим показателям: выручка по российским стандартам бухгалтерской отчетности увеличилась на 4,6% и составила почти 585,5 млрд руб., EBITDA выросла на 8% и составила 114 млрд руб. Необходимо отметить, что финансовые результаты выросли, несмотря на снижение выработки, что говорит об активной работе менеджмента энергетических компаний над собственными затратами. Наша долговая нагрузка снизилась на 35 млрд руб. Мы много работали над программами оптимизации, в том числе за счет реализации непрофильного имущества, общий эффект от программы составил 4 млрд руб. Вывели из работы неэффективные энергоблоки суммарной мощностью 548 МВт — это старая часть Серовской ГРЭС (ОГК-2) и старая часть Троицкой ГРЭС (ОГК-2). Кроме того, выведен один блок на ТЭЦ-17 «Мосэнерго».

(слайд 2) На слайде можно увидеть основные производственные показатели более подробно. По выработке электроэнергии прирост только у «Мосэнерго», почти на 1% — за счет более эффективной работы и распределения выработки между парогазовыми блоками. Снизились показатели в ТГК-1 и в ОГК-2. Наиболее заметно снизилась выработка в ТГК-1. Во многом это связано с выводом старой части Серовской ГРЭС — 388 МВт — и с более эффективной работой на оптовом рынке.

В «Мосэнерго» отпуск тепловой энергии вырос на 3,6%, что связано с сезонным фактором. В ТГК-1 тоже рост, тоже в связи с сезонным фактором. В ОГК-2 тепловая энергия — это очень маленькие объемы и, если говорить о влиянии на денежный поток, то это в рамках арифметической погрешности. Тем не менее, тоже отражаем фактор прироста отпуска тепловой энергии на 3,7%. «Мосэнерго» и «МОЭК» — это, можно сказать, одно и то же по отпуску теплоэнергии в Москве. Таким образом, общий рост по компаниям Группы «Газпром энергохолдинг» составил 3% по теплу. Еще раз отмечу, что это преимущественно за счет температурного фактора.

(слайд 3) На слайде более подробно представлены основные финансовые результаты Группы «Газпром энергохолдинг» в разрезе по каждой компании. Выручка постоянно растет: по итогам 2018 года она составила 585 млрд руб. и приросла по всем компаниям. EBITDA выросла на 8% и составила 114 млрд руб.

Отклонение есть по «Мосэнерго» и по ТГК-1. По «Мосэнерго» это связано с переходом двух парогазовых блоков с оплаты по тарифу договоров о предоставлении мощности (ДПМ) на оплату по так называемой «цене старой мощности». Что касается снижения EBITDA и чистой прибыли по ТГК-1 — это связано прежде всего с Мурманской ТЭЦ, которая учтена в отчетности ТГК-1. В прошлом году произошел резкий рост цен на мазут. На пике цена на мазут на Мурманской ТЭЦ достигала 24 тыс. руб., а средняя по году составила 18 тыс. руб. Конечно, в тарифах приведены совершенно другие цены. И в 2018 году получили несколько меньше субсидий, чем рассчитывали, в связи с чем и снизился финансовый результат ТГК-1.

Отмечу большой рост по EBITDA и чистой прибыли в ОГК-2. Как я уже говорил, мы активно работаем над снижением неэффективной выработки на убыточных электростанциях. Плюс у нас увеличивается денежный поток за счет ДПМ-проектов.

Нас часто обвиняют в том, что мы имеем неплохие или хорошие финансовые результаты, и, тем не менее, постоянно настаиваем на внесении изменений в законодательство, улучшающих позиции тепловой генерации. Обратите внимание, что в 2018 году ДПМ-блоки внесли в EBITDA 64,4 млрд руб. Эти деньги должны пойти на компенсацию средств банковских кредитов, которые мы получали, и средств акционеров — через выплаты дивидендов. Поэтому то, что нам говорится, не совсем имеет отношение к жизни.

(слайд 4) По долговой позиции. Здесь приведена динамика, начиная с 2012 года. По состоянию на 2018 год наш долг (совокупный долг ПАО «Мосэнерго», ПАО «ТГК-1», ПАО «ОГК-2» и ПАО «МОЭК») составляет 81,7 млрд руб. Мы планируем, что в 2019 году мы и дальше продолжим снижать долг. К концу 2019 года наш долг составит 67 млрд руб. Долг привлекался на инвестиционную программу, сейчас за счет доходов от продажи электроэнергии и мощности по проектам ДПМ мы его гасим.

(слайд 5) Дивиденды наших энергокомпаний представлены до 2017 года. Всех интересует, сколько будем платить в 2019 по результатам 2018 года. Мы по всем компаниям выносим на собрания акционеров предложение платить 35% чистой прибыли. По «Мосэнерго» это составит 8,32 млрд руб., по ТГК-1 — 2,5 млрд руб., по ОГК-2 — около 4 млрд руб.

Соотношение долга к EBITDA сохраняется на очень комфортном уровне: у «Мосэнерго» это 0,1, у ТГК-1 — 0,8, у ОГК-2 — 1,4. В отдельные годы у нас соотношение долга к EBITDA по ОГК-2 доходило до 6.

(слайд 6) Реализация программ сокращения затрат. Понятно, что постепенно эффект в абсолютных цифрах будет снижаться, учитывая, что мы реализовали достаточно большой объем мероприятий за последние годы. Тем не менее, в этом году он составил около 4 млрд руб., в том числе за счет реализации непрофильных активов.

Также мы ведем активную работу по импортозамещению. Для примера можно привести нашу компанию «ТЭР-Сервис». Когда она только начинала работать, у нас сервисные контракты практически на 85-100% выполнялись силами иностранных производителей. На сегодняшний день наши специалисты обучены на предприятиях-изготовителях газовых турбин к проведению сервисных работ по практически всем их видам. У нас есть промышленная кооперация со многими предприятиями внутри России. Поэтому мы минимизируем объем работ, которые мы заказываем у иностранных компаний. Фактически остаются только лопатки, отдельные элементы камер сгорания.

(слайд 7) Ключевые проекты по развитию. Это, естественно, реализация стратегии «Газпрома» в электроэнергетике, строительство новой мощности и модернизация, при наличии стимулов, продолжение программы оптимизации операционных затрат. Мы планируем и дальше продолжать программу по выводу неэффективных и устаревших мощностей и планируем к 2022 году довести этот объем до 2 тыс. МВт.

Участие в крупных проектах «Газпрома» в части строительства генерирующих мощностей. Вы знаете, что мы строим в Амурской области Свободненскую ТЭС мощностью 160 МВт. Там уже завершили строительство первой очереди открытого распределительного

устройства — основной части, она уже находится под напряжением, в работе. Сейчас ведется активное строительство электростанции. К зиме мы планируем завершить работы по сооружению главного корпуса. Сейчас идет монтаж трех котлов, ожидаем к концу года приезда двух турбин по 80 МВт производства «Силовых машин». В планах у нас — до конца 2020 года пустить электростанцию в эксплуатацию. Пока мы выдерживаем эти сроки.

Участие в международных проектах — это достаточно большой раздел в стратегии развития «Газпрома» в электроэнергетике. В рамках этого поручения на сегодняшний день мы уже ведем строительство электростанции в Панчево. Это совместное предприятие между «Газпром энергохолдингом» и «Газпром нефтью», 51 на 49 распределены доли участия, называется «Газпром энергохолдинг Сербия». Финансирование проекта осуществляется за счет «Газпромбанка», это проектное финансирование. Генеральный подрядчик – Shanghai Electric. В конце 2020 года планируем завершить строительство турбинно-газовой электростанции — это оборудование завода Ansaldo, который расположен в Италии, остальное оборудование — китайское.

Кроме того, обсуждается еще несколько проектов строительства электростанций в Сербии. Наверное, что-то мы сможем вам рассказать на Петербургском международном экономическом форуме. Между «Газпром энергохолдингом» и Минэнерго Сербии подписан меморандум о взаимопонимании, где мы отмечаем, что стороны заинтересованы в развитии тепловой генерации на территории Сербии.

Одним из ключевых приоритетов для нас является снижение долговой позиции, потому что у нас постепенно «ДПМ-штрих» снижается. Вы видели стоимость тех отборов, которые прошли по «ДПМ-штриху» — цифры не те, которые были при реализации ДПМ-проектов. Поэтому для нас важно сохранить финансовую устойчивость компании при снижении выручки и прочих финансово-экономических показателей.

Я постарался очень кратко рассказать по презентации, чтобы потратить основное время на ответы на вопросы. Спасибо.

ВОПРОС: Иван Песчинский, агентство «Интерфакс». Можете поделиться своими ожиданиями по финансовым показателям за 2019 год? Сохранит ли компания дивидендные выплаты на уровне 35%, как в этом году?

Д.В. ФЕДОРОВ: За 2019 год не могу поделиться. У нас рабочие версии есть, они практически согласованы профильными подразделениями «Газпрома», но они не утверждены на сегодняшний день советами директоров. Поэтому пока не будут утверждены, будет некорректно с моей стороны открывать эти цифры.

С точки зрения распределения дивидендов мы специально приводили слайд, на котором отражены дивиденды, которые мы платим — они из года в год увеличиваются. И, если ничего экстраординарного у нас не произойдет, то менеджмент будет предлагать увеличивать дивиденды. Увеличивать не только в процентном отношении, но и в количестве денежных средств, получаемых на одну акцию. Но у нас в следующем году еще два блока выходят в «Мосэнерго» из проектов ДПМ (прекращается оплата мощности в рамках договоров о предоставлении мощности), поэтому будем смотреть.

Но в целом стратегия — на увеличение выплаты дивидендов. При этом всегда нужно обращать внимание на долговую позицию и на инвестиционную программу.

ВОПРОС: Ольга Мягченко, «Метагазета». Первый вопрос касается заявленных планов о выкупе доли «Силовых машин» в компании «Сименс Технологии Газовых Турбин» (СТГТ). На каком этапе сейчас переговоры по этой сделке, какова ее схема, в какие сроки она может быть проведена?

Второй вопрос о выкупе Правительством Санкт-Петербурга пакета акций компании «Теплосеть Санкт-Петербурга». Когда же Смольный станет полным собственником, и в какую цену оценены акции?

Д.В. ФЕДОРОВ: Со второго вопроса начнем. Мы за эти годы обсуждали достаточно большое количество вариантов действий по «Теплосети Санкт-Петербурга». Пока ни один из них не является приоритетным. Вы знаете, что в этом году Правительством Санкт-Петербурга выделено дополнительно 1,5 млрд руб. на ремонт тепловых сетей. Я думаю, что в сентябре-октябре мы вернемся к более подробному обсуждению этих вопросов. Мы покажем новому руководителю блока энергетики Санкт-Петербурга все наши переговоры, которые проходили при предыдущих руководителях. Соответственно, надеемся на то, что какой-то из этих вариантов будет приемлемым или же коллеги предложат еще один вариант. Мы подтверждаем, что ситуация с «Теплосетью Санкт-Петербурга» является крайне сложной.

Про выкуп доли в СТГТ объясню ситуацию. Это имеет прямое и непосредственное отношение к тому, о чем я говорил, что у нас оборудование постепенно начинает выработать 10-летний период эксплуатации. Сейчас мы стоим перед достаточно серьезной дилеммой: у нас в работе 33 газовые турбины, которые достаточно равномерно в течение 10 лет были введены в эксплуатацию. Две турбины уже имеют наработки, приближающиеся к так называемым крупным, большим инспекциям, которые по стоимости сопоставимы с установкой новых газовых турбин. ДПМ-проекты не могут попасть в проект «ДПМ-штрих», это законодательно запрещено. Поэтому сейчас говорим о том, что бы могли сделать.

У нас фактически 33 турбины, из которых основной парк — это турбины 150-160 МВт. Это огромный рынок на сегодняшний день, в условиях падения в Европе рынка производства и продаж газовых турбин. У нас сейчас стоит вопрос: мы будем просто менять эти турбины или проводить инспекции. Если менять эти турбины, то, наверное, надо поставить вопрос перед коллегами с заводов-изготовителей, которые могут производить аналогичные турбины, о необходимости локализации этого оборудования на территории Российской Федерации.

Например, с Siemens остались технические моменты в реализации совместного проекта по вакуумным выключателям. Мы ни к кому ни за какой поддержкой не обращались, нам не нужны деньги, нам не нужны бюджетные вливания, нам не нужен сторонний рынок заказов — мы это сделаем сами. И к 2022 году у нас 75-процентная локализация должна быть. Можно сколько угодно говорить, что это не 100%, но мне кажется, что шаг от 75% до 100% гораздо быстрее делается, нежели шаг от 0% до 100%.

То же самое мы говорим про газовые турбины: нам не нужна ничья помощь, нам не нужна ничья поддержка, мы просто хотим переговорить с основными заводами-изготовителями о возможности локализации оборудования. Нам не нужны бюджетные деньги, мы не собираемся участвовать в этом конкурсе за 7 млрд руб. Нам ничего не нужно. Это наши переговоры с Siemens, может быть, будут и с другими заводами-изготовителями. Понятно, что если большая часть парка на турбинах Siemens, значит правильнее с ними начинать эти переговоры.

Мы стоим фактически перед тремя вариантами. Первый — проводить сейчас большие или главные инспекции, заплатить деньги и возвращаться к разговору где-то через пять лет. Понятно, что с точки зрения эксплуатации все директора электростанций будут поддерживать замену на новые газовые турбины, но здесь тоже должна экономика сочетаться. Второй вариант — просто эффективно договориться с производителями газовых турбин о том, что мы готовы сформировать этот заказ, но дайте нам хорошую цену, которая будет сопоставима с ценой проведения главных инспекций, и на этом закрыть вопрос. Это самое простое, что можно сделать. Третий — мы все-таки живем в России, всем нам хочется для России какой-то положительный след оставить. 33 турбины — это огромный заказ по нынешним временам. Поэтому можно поднять вопрос о локализации, но там постоянно возникают какие-то вмешательства в нашу работу.

Наш технический блок имел опыт работы с ГТС-110 производства НПО «Сатурн» на Рязанской ГРЭС. Я не хочу сейчас рассказывать про то, что у них наработка межремонтная составляет 7 тыс. часов, а у Siemens — 25 тыс. часов, а при проведении модернизации — 50 тыс. часов. Я не буду об этом говорить только потому, что она ни разу 7 тыс. часов не наработала. Я не буду говорить о том, что пять лет судились с НПО «Сатурн», чтобы они забрали турбину на ремонт. Я не буду говорить о том, что ГТЭ-65 производства «Силовых машин» была поставлена у нас на ТЭЦ-9 «Мосэнерго», проект ДПМ. Мы провели за два месяца

177 пусков и даже не синхронизировали с сетью. В результате «Силовые машины» забрали эту турбину, вернули нам деньги, мы купили турбину Ansaldo абсолютно того же типоразмера, и она замечательно работает и выполняет все условия ДПМ.

Мы проехали по очень многим городам во всем мире, где локализовано оборудование: и Siemens, и Ansaldo, и General Electric, и Alstom, которая теперь входит в General Electric. И там прекрасно работают заводы, там переданы технологии. Поэтому мне кажется, что одно не должно мешать другому. Если есть мнение, что надо сделать полностью российскую газовую турбину, можно это делать, но это не должно мешать локализации оборудования. Это моя позиция.

О том, что «мы когда-то с кем-то уже договорились» или «в какой стадии переговоры» — ни в какой, это наш базовый разговор, который мы сейчас ведем для себя. Конечно же, в курсе наших переговоров и наши коллеги. Но до предметной части обсуждения не дошло. У нас есть где-то полтора-два года до начала работ по первым турбинам.

ВОПРОС: Елена Вавина, газета «Ведомости». СМИ писали о том, что «Т Плюс» оценили в 40-45 млрд руб. Вы комментировали, что формально оценка не завершена до тех пор, пока стороны не подпишут соглашение. Значит ли это, что фактически независимый аудит оценку бизнеса провел? На чем она была основана и, соответственно, о чем сейчас стороны договариваются?

Д.В. ФЕДОРОВ: Мы еще в конце прошлого года, как и было положено по нашему графику, по договору, подписали со своей стороны акт выполненных работ с PricewaterhouseCoopers. Но учитывая, что договор трехсторонний, соответственно акт должна подписать «Ренова». И, насколько я понимаю, работа не завершена. А если она не завершена, значит «Ренова» не подписала. Вот и все, что я могу прокомментировать.

PricewaterhouseCoopers — известная компания с мировым именем, вся информация полностью была им представлена, они провели оценку. Были описаны факторы, влияющие на стоимость компании, риски по компаниям. Оценка, которая есть, с нашей стороны подписана. Будет ли ее подписывать «Ренова», я не знаю. На сегодняшний день дальнейших переговоров у нас с «Реновой» нет.

ВОПРОС: Вячеслав Городецкий, агентство «Би-порт» (Мурманск). У нас в очередной раз все говорят по поводу газификации Мурманской области. Как вы оцениваете очередные перспективы: слова это или все-таки реальные планы?

В связи с тем, что сейчас очень активно по стране идет мусорная реформа, и в том числе предлагается в качестве источника энергии сжигать мусор, как вы оцениваете эту перспективу наряду со строительством ветропарка, в том числе в Мурманской области?

Отдельный вопрос про Апатиты и Кировск: есть ли шанс у этих двух городов перейти на закрытую систему теплоснабжения?

Прокомментируйте ситуацию с ГЭС в Кандалакше, отдаете или не отдаете?

Д.В. ФЕДОРОВ: По газификации Мурманска опишу статус. Я много чего читаю в разных СМИ. Действительно, когда цена на мазут достигала 24 тыс. руб., было понятно, что это какие-то заоблачные цифры и при такой цене окупаемость проекта...

Мы говорим сейчас только о газификации Мурманской ТЭЦ, мурманских котельных, потому что там установленная электрическая мощность всего 12 МВт, на собственные нужды фактически они работают. Было совещание в Мурманске, которое со стороны «Газпрома» проводил заместитель Председателя Правления Виталий Анатольевич Маркелов. Было дано поручение. На сегодняшний день мы заключили договор на разработку обоснования инвестиций по газификации энергообъектов, которые обеспечивают 75% теплоснабжения Мурманска. Результаты у нас по договору будут готовы в этом году. Это вся официальная информация, которую я могу сказать.

Это было нами инициировано, потому что 24 тыс. руб. — это уже за гранью добра и зла. При этом мы отслеживали, естественно, какой объем мазута раньше шел на экспорт и какой

сейчас — в процентном отношении ничего не поменялось. Просто сокращается само производство мазута по стране. К сожалению, это та цена, которая объективно сложилась, рыночная цена. Поэтому мы обратились с просьбой, и нам дали поручение отработать и доложить. В августе у нас должны быть результаты.

Про ветропарки — я не знаю статус ветропарка в Мурманской области, потому что не мы выиграли этот проект. Единственное, что хочется в этом вопросе отметить, — это то, что нужно тогда заниматься развитием электросетевого хозяйства в Мурманской области, поскольку и так система изолированная. И даже дешевая гидрогенерация, которая у нас есть в ТГК-1, работает фактически на подхвате у Кольской АЭС. Если там будет еще построен ветропарк, это создаст очень сложную ситуацию: будет достаточно много дешевой электроэнергии на рынке на сутки вперед, которая не сможет передаваться в соседние энергосистемы. Это будет крайне странно выглядеть.

Про мусорную реформу ничего говорить не буду, потому что знаю не только из СМИ все проекты, которые были отобраны в рамках строительства завода с генерацией. Посмотрим, как они будут реализовываться. Мне кажется, это за пределами дорого, это очень серьезная надбавка для рынка, которая формирует у потребителей достаточно негативное отношение к энергетикам. Много говорится о колоссальной стоимости электроэнергии, о том, что значительную часть на оптовом рынке электроэнергии и мощности формируют, как сейчас модно называть, нерыночные надбавки. Это не наша тема, хотя мы, несомненно, смотрим на рынок и, в принципе, если будут еще проекты, может быть, в них поучаствуем.

Про Апатиты и Кировск — собираемся встречаться с Губернатором Мурманской области, будем обсуждать целый комплекс вопросов, сейчас я точно сказать не могу. В свое время рассматривали в схеме теплоснабжения переход на закрытые схемы. Но те затраты, которые были посчитаны, оказались неприемлемыми для Правительства Мурманской области. Поэтому будем смотреть, будем обсуждать, здесь тоже не все от нас зависит.

По «Ниве ГЭС-3» в Кандалакше — это гидроэлектростанция. Наши коллеги из «Еп+» или из «Евросибэнерго» (входит в Еп+), хоть и отрицают в СМИ, но действительно обращались к Губернатору Мурманской области с просьбой отобрать у нас гидроэлектростанцию мощностью 150 МВт. Отрицать можно сколько угодно, но у меня даже письмо это на руках есть. Поэтому сейчас они вроде как от этого проекта, насколько я знаю, даже в публичной сфере отказались.

Мы считаем, что это категорически неправильно, мы категорически против этой идеи, даже учитывая, что станция входит в каскад гидроэлектростанций. Ондскую ГЭС мы реализовали в пользу «Евросибэнерго» в целях того, чтобы сохранить Надвоицкий алюминиевый завод. Но если вы посмотрите результаты продажи Ондской ГЭС, вам все становится понятно. Там, насколько я понимаю, на 23% увеличилась безработица. Электростанцию вывели на розничный рынок и продают электроэнергию на рознице. То есть проект по покупке станции у ТГК-1 был не таким, каким он описывался, не социальным, о чем мы и говорили столько раз. Проект был таким, чтобы с использованием административного ресурса получить электростанцию, описав красиво, каким образом будут возрождены города возле Ондской ГЭС. Ничего этого не произошло. Это просто элемент зарабатывания денег, не более того.

Поэтому по «Ниве ГЭС-3» я коллегам сразу сказал, что мы отслеживаем социальную ситуацию в тех субъектах, в которых работаем. Мы прекрасно знаем, что произошло после того, как мы продали электростанцию. То, что там произошло, — это для всех очевидно.

ВОПРОС: Ирина Кривошарпа, газета «Энергетика и Промышленность России». Планируете ли вы развивать направление возобновляемых источников энергии (ВИЭ), как это делают некоторые российские компании? Это будет ветроэнергетика, солнечная энергетика или, может быть, какое-то отдельное, локальное направление?

Д.В. ФЕДОРОВ: Пока говорить о каком-то масштабном нашем выходе на рынок нетрадиционных источников топлива не приходится. Мы планируем участвовать в конкурсе на 50 МВт ветропарка в Ленинградской области. Буквально скоро, в конце мая, мы подаем техническую заявку, потом экономическую заявку.

ВОПРОС: Марина Коцубинская, агентство «Россия сегодня». В презентации речь шла о покупке профильных активов как об одном из направлений развития. Какие активы вы рассматриваете?

Подали ли вы заявки на модернизацию проектов ТЭС в рамках квоты Правительственной комиссии по вопросам развития электроэнергетики? Как вы оцениваете результаты конкурсного отбора проектов, есть ли у «Газпром энергохолдинга» какие-то предложения по корректировке отбора? Потому что Минэнерго планирует собирать такие заявки.

Д.В. ФЕДОРОВ: Начнем с самого простого вопроса. Мы ежегодно говорим о том, что мониторим ситуацию по профильным активам. Если на рынке появляются какие-то интересные предложения, и нам кажется это экономически привлекательным, мы обращаемся в профильные подразделения «Газпрома». На сегодняшний день у нас таких предложений нет. Но, тем не менее, это наша работа, мы ее ведем, у нас есть соответствующие поручения Совета директоров «Газпрома».

По Правительственной комиссии — да, мы подали заявки. Я не могу раскрыть ни объем мощности, ни проекты, но мы подали и, соответственно, будем надеяться, что какие-то из наших проектов будут отобраны.

Что касается корректировки правил отбора проектов — мы изначально выступали за другую концепцию. Я не хочу сейчас кого-то критиковать. Наверно, лучшее — это враг хорошего. У всех разные подходы, но мне кажется, что все-таки важно скорректировать механизмы отбора оборудования, чтобы первичной была не только цена. Потому что мы тогда так и продолжим менять генераторы или отдельные элементы электростанций.

Наверное, можно разбить на несколько элементов. Потому что есть электростанции, которые завязаны на теплоснабжении, и они никогда, ни при каких условиях, не пройдут по нынешним правилам конкурентные отборы мощности на модернизацию. И не совсем понятно, что дальше делать с этими электростанциями. Акционерам продолжать вливать в них деньги, понимая, что при нынешней цене на мощность они никогда не окупятся?! Мало того, что это безвозвратные инвестиции, эти электростанции никогда не начнут функционировать в плюс. Вы вкладываете 40-50 млрд руб., а эта станция продолжает приносить вам 300 млн, 400 млн или 700 млн руб. убытков в год. Достаточно сложно принимать подобные инвестиционные решения. Поэтому, конечно, должны быть предусмотрены соответствующие механизмы. Мне кажется, что это очень важно.

Мы предлагали по установленной мощности разделить частично квоты. Каждая генерирующая компания лучше понимает то оборудование, которое у нее находится в сложном или в критическом состоянии. И не у всех компаний есть свободный денежный поток для того, чтобы проводить масштабные замены оборудования. Мы на ТЭЦ-22 «Мосэнерго» проводим замену турбины Т-250, но не у всех есть такие возможности. И плюс Т-250 обеспечивает значительный объем тепла, в том числе новым потребителям в Некрасовке (район Москвы в зоне теплоснабжения ТЭЦ-22) и дальше — там теплотрасса уже заработала, поэтому там есть экономическая окупаемость.

Слышал на некоторых правительственных заседаниях выступления губернаторов о том, что «вы проводите все неправильно, и нужно вкладывать деньги там, где все плохо». Это очень странная логика. Мне кажется, что губернаторы должны создавать такие инвестиционные условия, чтобы инвесторы туда шли и вкладывали деньги. Потому что, когда у тебя собираемость платежей за поставляемую теплоэнергию — 60-70%, тарифы в два раза ниже среднероссийских, а ты говоришь, мол, давайте все-таки мне этот проект реализовывать, то это неправильно. Поэтому в первую очередь региональные власти должны создавать инвестиционные условия.

Можно привести пример Москвы и Санкт-Петербурга. Мы с Санкт-Петербургом достаточно долго находились в состоянии «обмена любезностями», назовем это так. Но уже второй год подряд собираемость платежей за теплоэнергию — более 100%, и это не только работа генерирующей компании ТГК-1. Это наша совместная работа с городом, город осознал

важность, инвестиции сюда будут приходить, только если здесь будут созданы соответствующие условия. Могу констатировать, что и по результатам 2017 года, и по результатам 2018 года у нас по Москве и Санкт-Петербургу собираемость платежей за теплоэнергию превысила 100%.

Поэтому корректировать правила отбора проектов, с моей точки зрения, надо. Нужно вводить туда показатели именно по надежности электростанций, по выработке ими паркового и индивидуального ресурса — на все это надо обращать внимание. А еще — на важность: некоторые станции прямо завязаны на выработку тепловой энергии, и предложения построить котельную где-то могут быть реализованы, а где-то — нет. Поэтому нужно, мне кажется, подкорректировать механизмы отбора проектов модернизации после результатов второго отбора в сентябре. Всем заинтересованным федеральным органам власти и инвесторам надо будет поговорить на этот счет.

ВОПРОС: Алексей Захаров, агентство ТАСС. Вопрос по Сербии. Вы сказали, обсуждаются новые проекты. Может ли в этом году быть принято решение? Не могли бы Вы поподробнее рассказать?

В презентации сказано, что есть проекты в Китае и во Вьетнаме: на какой стадии реализация этих проектов, и как продвигается решение этих вопросов?

Д.В. ФЕДОРОВ: Что касается Сербии — как я сказал, один проект мы уже начали. Сейчас мы рассматриваем еще один проект — электростанция «Крагуевац» до 300 МВт.

По Китаю — на уровне подписанного соглашения о взаимодействии, по Вьетнаму — в рамках предварительных проработок.

И. КРИВОШАПКА: Каков ваш интерес в ветропарках? Считаете ли вы целесообразным строительство стольких ветропарков в России?

Д.В. ФЕДОРОВ: По ветропаркам осталась последняя квота, которая будет разыгрываться, около 75 МВт. Дальнейшего решения на сегодняшний день Правительством не принято. Будут ли дополнительные ДПМ по возобновляемым источникам энергии (ВИЭ) или нет — наверно, будут, но никто не знает, в каком объеме и по каким ценовым показателям. Поэтому сейчас говорить о какой-то нашей заинтересованности не приходится, потому что мы не знаем условий, на которых будут разыгрываться эти проекты.

Мое личное мнение, нужен ли России такой объем нетрадиционных источников электроэнергии: я считаю, что нет. И не потому, что мы какая-то технологически отсталая страна или еще что-то. Еще 10 лет назад цена на солнечные батареи была в 10 раз выше, чем сейчас. И с учетом активного развития технологий, наверняка она будет снижаться и дальше. Зачем локализовывать производство оборудования, которое будет по уровню отставать, потому что в странах-производителях — это в первую очередь Китай, если мы говорим про солнечную энергетику — оно все равно будет существенно дешевле и качественнее?! Для России это не критическая инфраструктура, которая должна производиться в нашей стране.

То же самое хочу сказать про ветропарки. Я не считаю, что в стране с огромными запасами газа и угля этот вопрос является критически важным. Кроме того, нужно понимать, что большой объем нетрадиционной энергетики, с учетом ее крайне низкого коэффициента использования установленной мощности (КИУМ), — хороший КИУМ для ветровой станции составляет около 27%, то есть станция всего 27% времени находится в работе, — приводит к тому, что под эту станцию необходимо держать в резерве маневренные энергоблоки на всю ее мощность. Например, вы построили станцию на 200 МВт, и под вас 200 МВт должно быть зарезервировано. И в любой момент в течение короткого промежутка времени это резерв должен включиться в работу. За чей счет будет осуществляться резервирование — не очень понятно, а платим сразу две платы: плату ДПМ ВИЭ и плату за фактически резервирование мощностей, и развиваем под это электрические сети, которые тоже должны входить в общую систему. Это потребует постройки отдельных подстанций трансформаторов.

Поэтому можно набрать несколько процентов доли ВИЭ в установленной мощности энергосистемы ради того, чтобы понимать, как это работает, использовать это в системах, где нет связи с единой энергосистемой, где дорогое топливо, но часто используется солнечная батарея, ветряк, рядом стоит на резерве дизельный генератор. Там это экономически понятно, экономически окупаемо.

Сейчас точно есть чем заниматься в нашей тепловой генерации, в наших тепловых сетях! Россия — северная страна. У нас тепло — гораздо более социальный продукт, чем электроэнергия. Мы прекрасно знаем состояние тепловых сетей в значительном количестве субъектов Российской Федерации. Поэтому, мне кажется, что упор сейчас надо сделать на теплосетевую инфраструктуру, потому что она нуждается в больших инвестициях. Рассуждения на тему, что сегодняшних тарифов на тепло достаточно для того, чтобы привести их в порядок... Если бы хватало, то давно уже привели. И атомная энергетика, естественно, должна развиваться, но тоже в здравых пределах.

В Германии уже такое количество возобновляемых нетрадиционных источников, что они регулируют их за счет работы угольных блоков. При этом у них не хватает маневренных блоков, чтобы резервировать мощности, которые они построили. Они формально это отрицают, но в неформальных разговорах с энергетиками они все держатся за голову. Поэтому главное, чтобы в энергетике политика не превышала техническую составляющую. Развивать надо, но в здравых пределах, только в тех точках, где это необходимо, экономически целесообразно.

М. КОЦУБИНСКАЯ: Зачем тогда «Газпром энергохолдингу» проект ветроэнергетики? Если просто попробовать и получить компетенции, то 50 МВт — это довольно мало. Звучали оценки, что около 1 ГВт должен быть заказ, чтобы компании было выгодно локализовывать свои технологии. Вы будете чьи-то покупать или свои использовать?

Д.В. ФЕДОРОВ: В России уже есть локализованные ветроустановки, поэтому для 50 МВт ничего локализовывать не собираемся. Зачем придумывать велосипед, если есть выбор даже среди российских компаний по локализованному оборудованию?! Мы эксперименты ради экспериментов никогда не устраиваем, иначе у нас финансовые результаты были бы другие. Несомненно, приоритет — это экономическая эффективность проекта. В Ленинградской области он экономически эффективен.

Второе — это Ленинградская область, это наш регион присутствия, там «Лахта Центр» стоит. Наблюдать из него за ветряками другой компании, мне кажется, будет не очень правильно. А учитывая, что это экономически эффективный проект, то почему нам его не реализовать?!

М. КОЦУБИНСКАЯ: Где именно может располагаться этот ветропарк?

Д.В. ФЕДОРОВ: Это мы с Правительством Ленинградской области решим.

М. КОЦУБИНСКАЯ: Какая ситуация по Новочеркасской ГРЭС?

Д.В. ФЕДОРОВ: Мы ждем Правительственную комиссию. От нас, наверно, ничего не зависит уже. Мы, по-моему, сделали все, что от нас зависело, может быть даже чуть-чуть больше. Всем всё объяснили, всем всё показали, всем всё рассказали. Дождемся Правительственной комиссии, после нее все станет понятно. Она как раз должна была состояться сегодня, если я не ошибаюсь, но ее перенесли на другой срок.

ВЕДУЩИЙ: По интернету приходят вопросы. Роман Филькин, компания Prosperity Capital Management, спрашивает про возможность обмена активов с Fortum в рамках последнего предложения: ГЭС ТГК-1, теплоэнергетический бизнес Fortum или его часть. Аналогично по Москве: не считаете ли вы рациональным сегодня выкупить долю Москвы в «Мосэнерго»?

Д.В. ФЕДОРОВ: Про Fortum — мы отрицательно относимся к этому предложению, неоднократно об этом говорили. Останавливаться подробно на этой ситуации не буду, она всем прекрасно известна, уже лет шесть-семь она постоянно муссируется. Мы отрицательно относимся к этим предложениям по целому комплексу причин, не все я могу озвучить.

Про «Мосэнерго» — у нас с Правительством Москвы очень хорошая, я считаю, слаженная работа осуществляется, и они присутствуют в Совете директоров «Мосэнерго». Они видят все проблемы компаний — «Мосэнерго» и «МОЭК», — хотя и не так, как их видят на еженедельных планерках у Петра Павловича Бирюкова (заместитель Мэра Москвы в Правительстве Москвы по вопросам жилищно-коммунального хозяйства и благоустройства). Мы не считаем нужным менять структуру акционерного капитала.

Е. ВАВИНА: Вопрос по возможной сделке с «Т Плюс», с «Реновой». Достигли ли вы какого-то соглашения с Федеральной антимонопольной службой? Обсуждались ли с ФАС параметры этой возможной сделки, и дано ли какое-то предварительное согласие или понимание того, что сделка будет одобрена?

Д. В. ФЕДОРОВ: С ФАС мы ничего не обсуждали. Потому что прежде чем обращаться в ФАС, я еще раз хочу сказать, у нас оценка велась «в крупную клетку», то есть должной проверки в том виде, в котором это делается при объединении компаний, не осуществлялось. Мы хотели посмотреть, насколько совпадает или не совпадает наше понимание стоимости компании и механизмов ее дальнейшего управления, если это будет совместная компания. Поэтому в ФАС обращаться я считаю целесообразным только после того, как мы о чем-то договоримся. Если на сегодняшний день мы ни о чем не договорились, то и нет смысла обращаться в ФАС. Можно осуществить работу ради работы, но я считаю это пока нецелесообразным, тем более, что мы один раз в ФАС уже обращались несколько лет назад. И сами отозвали заявление, потому что в результате поняли, что мы далеки от договоренности. Мы не хотим повторять ошибок прошлых лет, ходить по одному и тому же кругу. Договоримся — договоримся, не договоримся — значит, не будем обращаться в ФАС.

ВЕДУЩИЙ: Спасибо. Пресс-конференция закончена.